

ЭММА ШАДЫЕВА

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

18+

Эмма Шадыева

Белая лошадь

«Автор»

2026

Шадыева Э.

Белая лошадь / Э. Шадыева — «Автор», 2026

Ах, какие женщины, достойные и прекрасные, были в его жизни раньше! Новая любовница и мизинца их не стоит. Да, - но почему он тогда с ними расстался, и кто и кого на самом деле потерял? А что находится там, за гранью давным-давно изживших себя отношений?"Женщина, которую ты ждёшь всю жизнь, появится неожиданно, она придёт, как белая лошадь." - так в книге гаданий объяснялась неожиданная судьбоносная встреча. Вот только ни одно, даже самое хорошее гадание, не заставит нас выбирать, когда мы не хотим, - и любить, если кто-то кого-то (снова) потерял.

© Шадыева Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

"Белая лошадь"	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Белая лошадь

"Белая лошадь"

Глава 1. Будни художника. Просто нам надо встретиться

Над городом было светло.

Не шумели машины, скользя по мокрому асфальту, не кричали и не смеялись дети, гуляя под старыми согнутыми липами, которые всех прохожих осыпали сладко пахнущими серёжками, не ворковали голуби, потому что было ещё слишком рано.

Павел посмотрел время на своих старых часах с металлическим ремешком, потемневших от времени и с треснувшим циферблатом.

Плохая подделка даже не марки часов, а часов вообще.

Не прошло и пяти лет, - а часы, проданные ему на парижской барахолке с лотка, где рядом с часами лежали детские миниатюрные часики, вместо времени показывающие только мультяшных персонажей, а также фенечки, фальшивые даже для просто детского украшения, и прочая ерунда.

Просить чек и гарантию *вот на такую* покупку, да и к тому же в *таком* месте - это примерно как пойти в МакДоналдс и ждать, что там в меню окажется мраморная говядина и вино столетней выдержки из какого-нибудь королевского погреба, принадлежащего ранее Карлу Пятому.

Просто в тот момент путешественнику отнюдь не во времени нужны были часы, чтобы показывать время, точное и без премудростей - и он согласился из любопытства попробовать эту фальшивку.

"Потратить пять евро на такую хрень. - мужчина небрежно оттолкнул ни в чём не повинные часы, виноватые разве что в том, что их сделали не те люди и не в то время, а потому им просто не повезло в жизни ещё с момента сборки - Ненавижу."

Сам себя Павел считал успешным мужчиной, - и не только потому, что ему посчастливилось родиться в богатой семье, которая в своё время тоже была из очень богатых семей, - но и потому, что он умел если не работать, то хотя бы экономить то, что заработали и сделали для него другие. Это давало ему так же полное право гордиться его родителями - и своими предками. В таких случаях можно быть уважительным и почтительным сыном и внуком... хотя бы на словах, - и самому поверить в это.

К тому же, часть детства и юности он провёл во Франции, и после пребывания в этой весёлой и тёплой, не знающей ни зимы, ни холодов стране, он усвоил то, что он на полном серьёзе счёл *менталитетом страны*. А именно - вежливую лживость, душевную чёрствость, прижимистость и расчётливость, приправленную приветливостью и улыбками.

Собственно, никто и не говорил Павлу, что это был тот образ, к которому ему следовало бы стремиться, - и что Франция лучше, или хуже, или вообще сравнивается хоть как-нибудь. А особенно в таком вот ключе.

Взрослым людям в идеале вообще редко когда что подсказывают, потому что предполагается, что взрослый или знает всё - или никак не соприкасается с тем, чего он не знает.

Взрослые люди, - они вообще-то тоже не боги и не неуязвимы.

И в том числе и мужчины.

Только дети, играющие на парижских улочках и радующиеся Солнцу, свету, далёкой Сене, с которой иногда прилетают чайки, и летним каникулам, этого знать не надо. Да и рано ещё.

Но так оно было на самом деле или не так, и такими ли были французы на самом деле - Павлу было, в принципе, всё равно. Ему хотелось найти что-то, какую-то идею, оправдание,

ссылку на менталитет, привычки или обычаи, чтобы потом могла быть возможность одеться в это, как в наряд. И ничего, если наряд совершенно не местный, и ни русские, ни туристы, ни русские туристы такое не носят и не надевают: наряжаться Павел любил и умел.

Сейчас мужчина сидел, запершись в маленькой студии в Париже восемнадцатого округа, где он снял себе жильё, как-то раз восхитившись видами на Сакре-Кёр и его тихими улочками.

Воркующими на карнизах голубями, сороками, гнездящимися в здании автовокзала в Порт де Клиньянкур, вездесущими и вечноцветущими липами, которые цвели круглый год - в Париже никогда не бывает ни осени, ни зимы.

А рядом с домом, в котором Павел, художник-путешественник, богач и просто живой человек, любимец жизни и любящий её в ответ, нашёл себе временный приют, находится маленький оазис, служащий прямой противоположностью тому, какими обычно представляют себе оазисы. По крайней мере в пустыне.

Но пустыня - это не город.

Пустыня - это не Париж, не город любви, пустыня - не город и не любовь.

Там, рядом с домом, если пересечь маленький перекрёсток, то солнечный и раскалённый, то прохладный и тенистый, с двумя бесконечными дорогами, убегающими вверх, как заливчатски закрученные усы, или как улыбка, разбегающаяся лучиками по приветливому старческому лицу, находится маленький пяточок в вечной тени.

А Париж-то - город очень старый, только он нарядный, весёлый и он вечно юн душой, потому у него никто даже возраст не спрашивает.

Солнечно там, на пяточке, бывает только около полудня, - и то совсем не долго. Пяточок не является улицей или даже улочкой, не кажется ей и даже не претендует на это звание, а потому носит название Прохода.

Около четырёх часов утра, - это слишком поздно или слишком рано?

Для немолодого человека в грязной робе художника, то склоняющегося над мольбертом, как мать над колыбелью, то выпрямляющегося, как дирижёр перед оркестром, и увлечённо машущего кисточкой с краской, словно доказывающего чего-то миру, самому себе, вечности или мирозданию, это ни рано и ни поздно.

Сейчас - время творить.

Время создавать миры, потому что прежний уже познан и исхожен вдоль и поперёк.

Время созидать и творить, время выполнять обещания и давать новые клятвы, выпускать своих демонов и ангелов на волю, в ночное парижское небо, которое никогда не бывает тёмным. Потому что большой город никогда не спит, и от Медона до Эйфелевой башни небо освещено белым светом, который накладывается мазками на ночные облака, словно нарисованные никогда не устающим художником.

Рисование - это ночь.

Рисование и ночь - это время одиночества, но оно не в тягость, потому что Павел никогда не хотел создавать семью, считая, в его жизни самое главное - не это. Но от поиска своей истинной оно его не оттолкнуло всё равно, даже спустя время.

Даже спустя годы.

Он рано понял, что единственных нет, причём ни у кого, - а Жизнь, улыбаясь из сочувствия или из вежливости, подтвердила его догадку.

Тогда он был вместе со студенткой по обмену, и всё шло к... да просто шло, - и они были вместе. А потом время её учёбы в России закончилось, и Жанна вернулась к себе, на родину. Предполагалось, что потом они снова встретятся, - и первое время они действительно переписывались и даже иногда звонили друг другу.

А потом Жанна умерла.

Сильно простудилась в горной деревне - и умерла, как птичка.

Никто не нашёл родителей и семью Жанны, - она просто не оставила никаких координат людей, которые будут её искать, потому что не думала, что её придётся искать. Она думала провести недельку в горах, а потом вернуться домой. Но она не вернулась, - и её тело навсегда осталось в горах, где её имя было написано на каменном надгробии - и почему-то как "*Ксана*". Супружеская пара, кажется, вьетнамцев, называла Жанну именно так, - и она не была против, ни при жизни, ни после смерти.

Павел не искал Жанну и не пытался выяснить, что с ней.

В это время он вяло занимался сбором документов для визы и чувствовал себя героем уже из-за того, что вообще взялся за такое дело, - административную работу он не любил.

Но зато он любил Жанну.

И это если и не подслащивало необходимость собирать досье, то хотя бы давало стимул сначала находить ложку мёда в бочке дёгтя, а потом долго и нудно эту самую ложку оттуда выковыривать. Говорят, что мужчины любят то, что тяжело даётся? Трудности не любит никто, а мужчины такие же люди, как и женщины.

Чудо, которое ждали, как нечто само собой разумеющееся, не случилось.

Жанна для всех пропала без вести, - а на самом деле она умерла.

Павел получил отказ и сам для себя объяснил его тем, что у Жанны был или любовник в посольстве, или ухажёр, или бывший, который как-то смог помешать им встретиться. А раз не получилось...

Мужчина вернулся к себе домой - и первым делом смыл со стены все их с Жанной совместные картины и рисунки.

А в тех местах, где краска слишком сильно въелась и держалась так, словно хотела остаться там на века, ему пришлось поработать отбойным молотком, простым молотком и топором, выковыривая их с Жанной совместные картины, фрагменты, цвета и крошки охры вместе с кусками белой краски и белого керамического кирпича.

... И прошло время.

Закончилась светлая ночь, началось светлое парижское утро, по-парижски приветливое, тёплое и душевное.

С улицы слышался детский смех и голоса, а на лестничной площадке пахло круассанами и свежесваренным кофе.

И - да, в Париже и правда по утрам пьют свежий кофе, пусть даже и иногда растворимый, - а на завтрак помимо всего прочего бывают и круассаны, правда, для того, чтобы ими так восхитительно пахло, их предварительно покупают в ближайшем магазине в виде замороженного полуфабриката.

И неизвестно, почему, но запах круассанов и кофе напомнили Павлу, что на дворе - лето, и что хоть он и приехал в Париж на каникулы, он этих каникул как-то не ощущает.

Заскучал, прогулялся по магазинам, посидел в кафе, посмотрел на девушек и женщин, всегда проходящих мимо и никогда не останавливающихся около столика, за которым сидел странный русский мсье, одетый на французский манер даже больше, чем сами французы.. И только один-единственный раз мимо него проходила какая-то демуазель, одетая, как в начале двадцатого века, и робко, с надеждой уточнила у него, где она сейчас, - и какой уже век, месяц и год.

И посмотрела с надеждой, как на своего.

А Павел посмотрел так, будто хотел дать понять, что всегда будет рад увидеть её в своей постели.

Сумасшедших мужчина видел не так часто, - но они ему нравились. Потому что ничего такого уж страшного они не делали. Иногда по сравнению с ними, сумасшедшими казались многие другие из числа нормальных.

Так что сумасшедшая в постели русского фотографа и художника, гения-самоучки, а так же самоучки и гения - это ещё не так уж и плохо и не совсем уж сложно.

Главное, чтобы не очень долго, - уже на следующий день *оприходованную* сумасшедшую, предположительно пережившую втихаря около сотни оргазмов и наконец-то помывшуюся, один раз вечером и один раз утром, можно вытащить из постели, спросив, на что она вообще надеялась - уж не остаться ли с ним навсегда?

"Многие женщины хотели того же самого до тебя, дорогая, не ты первая и не ты последняя!"

А потом - вывести из своей студии и проводить до лифта.

Или сводить сумасшедшую дурочку в кафе, после чего попроситься с ней и пойти к себе домой. Или на поиск кого-нибудь более нормального.

Конечно, и у сумасшедших, и у нормальных женщин между ног всё одинаково и никаких загадок нет... вот только нормальной такого не скажешь. А высказаться так перед сумасшедшей - самое то. Авось из этой цинично-колкой реплики она поймёт хоть что-то... Но уж точно не то, что ей хотели сказать, а гораздо меньше.

Пусть допивает свой кофе, поблагодарит за приятную ночь.

"Какая ты горячая, как жарко и горячо было! Фу-фу-фу! А ты хитрая! А теперь ты что будешь делать? Куда теперь пойдёшь? Ты искала свой год и свой век, вот и иди, куда шла. А мне сейчас нужно побыть одному. Я отдохну, а потом нарисую тебя на одной из своих картин."

"Сумасшедшая" ушла, и даже отказалась от кофе на террасе, - а Павел сдержал своё слово. И его случайная любовница ещё не раз появлялась на разных рисунках и картинах, напоминая о своей загадке, которая заключалась только в количестве испытанных ею в ту ночь оргазмов, и которая то ли была на самом деле, то ли нет.

Но сумасшедшие или нет, но Павлу хотелось развеяться.

А проводить время, тем более, то, которое было предназначено для каникул, здесь, в Париже, одному и за работой, - это всё равно, что сосать прозрачную пуговицу от рубашки, воображая, что это леденец, или утоляя жажду в пустыне мыслью, что в человеческом организме столько воды, что на самом деле ему пить и не хочется.

Телефон нашёлся быстро, нужный контакт в списке - тоже.

- Алло! Карина, это ты? - начал он - Привет. Чего нового?

Лишь бы всё получилось... И Павел только сейчас понял, что он вообще-то волнуется - и насколько сильно.

- Карина, а твоя мать... - он на мгновение запнулся, словно не желая давать мирозданию подсказку, как оно может разрушить его планы и мечты - В общем, ты согласна поехать со мной на каникулы? Нормально, если мы с тобой поедem послезавтра?

То ли у Карины реально не было никаких дел и она уже давно потеряла работу, или просто не нашла новую, но она не удивилась, а только обрадовалась. Или её вдобавок сильно допекла мать, что, собственно, для их семьи было и неудивительно.

- Тогда я приду к тебе сейчас, хорошо? - спросила молодая женщина и, чтобы любовник не отказался, тут же предложила что-то вроде компенсации за свой немедленный приход:

- Я приглашаю нас в ресторан, на Монмартре. Как тебе такая идея? А завтра поедem готовиться к каникулам.

Павел был согласен. Со всем и с каждым пунктом. Только из принципа выбрал другой ресторан, поближе к дому, - просто так.

Чтобы Карина не забывала, что в их паре, если таковая вообще есть, главный всё-таки он.

Глава 2. Каникулы: список покупок и список условий

Как это ни странно, - но и у Павла, и у Карины всё получилось.

Нет, не в плане того, что у них сложилась жизнь или что они стали парой. В том числе и супружеской, - наплевав на свои жизненные установки и убеждения, а так же особенности характера и того, о чём стало модно рассказывать в кабинете психолога, сидя в глубоком кресле с приятно пахнущей и скрипящей, как седло, кожей, и гипнотизируя вьющееся растение на стене. И попутно гадая, настоящее оно или искусственное, - и каково оно наощупь.

Павел решил вырваться наконец на каникулы, потому что понял, что отдых в Париже - это как-то совсем не то, чего ему хотелось бы, потому что....

Потому что чего-то не хватает, - того, что кажется очень важным, но что при этом никак не поймашь и не ухватишь, и без чего свободная и спокойная жизнь убеждённого холостяка кажется какой-то не такой.

Да и потом, - работа. Отправляясь из своей московской квартиры в Париж, мужчина предполагал, что здесь он точно окажется на каникулах и будет отдыхать, а оказалось - он работает.

Именно здесь, или только здесь - неважно. Важно то, что отдыхающим он себя не чувствует, да и одиночество, хоть и привычное и прозрачное, как вода, и необходимое, как воздух, внезапно ощутило себя живым - и тоже чего-то захотело.

А одиночество захотело быть разбавленным, словно в какой-то момент оно устало от самого себя.

Конечно, провести с кем-то приятный момент - почему бы и нет? Но для этого лучше всего выбирать тех, кто самодостаточен, как сам Павел, и кто ни в чём не нуждается. Так не придётся отрываться от насущного, чтобы решать вместо этого ставшие насущными проблемы.

Павел был честен.

Он не хотел решать чужие проблемы, - ни чужие, ни свои, причём появление образование своих он старательно и тщательно избегал, как опытный танцор всегда избегает наступать на ноги своему партнёру.

И выбор пал на Карину: красивая, молодая, высокая и с тонким телом, похожим на молодой побег, не заикающаяся о семье и семейной жизни, да и вообще о серьёзных отношениях, состоятельная, потому что не отказывающаяся себе ни в чём, - по крайней мере, в присутствии Павла, - и, что немаловажно, хорошая любовница.

Ну, так почему бы и нет? А ещё - у девушки есть властная мать-тиран, которая не даст дочери жить спокойно и которую в случае чего любовник сможет использовать, как отмазку. Или как щит. Типа, вот видишь, дорогая? Из-за твоей мамы мы не можем... вставить на место многоточия желаемое, - и плевать, что оно, вроде бы как, так и не делается.

Павел был достаточно умён и мудр, чтобы понимать, что в жизни возможно всё, в том числе и самое что ни на есть невозможное. Карина, даже если и уйдёт, семейных сцен устраивать не будет: они ведь и не семья, в конце-то концов! И если что-то невозможное и есть, так это склонность Карины к сумасбродству. Она всегда более чем сдержанной, - или, по крайней мере, она учила себя быть такой.

Безмерно - тоже хорошо, но только время от времени - и в постели. Но потом постель освобождается от гостыи, и всё снова входит в норму и приходит в порядок.

Тем же вечером, парой часов раньше...

- Я никуда тебя не отпущу! - патетично восклицала мать Карины, изящная черноволосая, но уже начавшая сесть женщина. - Ты давно его знаешь, этого Павла, чтобы теперь поехать с ним на каникулы? Интересно, что ты вообще в нём нашла и... - на мгновение мать запнулась - и что он нашёл в тебе?

Карина устало выдохнула, будто пытаясь вместе с дыханием освободиться и от накопившегося негатива. Негатив, похоже, витал здесь в воздухе, как клубы табачного дыма с пряной

цветочной отдушкой: и мать, и дочь курили тонкие дамские сигареты, считая весь остальной табак годным только для мужчин.

Павел курил тоже, только его ни в клуб курильщиков, ни в семью не принимали.

Наверное, из-за того, что он курил трубку с ароматическим табаком, - крупнолистным, тёмным и крепким - и был русским. Иногда для того, чтобы нас приняли или не приняли, достаточно простой мелочи.

- А что, по-твоему, меня и полюбить уже нельзя? - спросила Карина, поворачиваясь к матери.

Почему-то сейчас ей резко захотелось курить.

И скандалить.

А то и просто бросать керамические тяжёлые горшки с цветами - не такие уж и тяжёлые, на самом деле, Кара узнала об этом, когда поливала цветы и переставляла их на солнечную сторону или в тень. Но достаточно впечатляющие для того, чтобы поставить знак препинания в скандале с матерью. Словно выросшая маленькая девочка требует, чтобы её услышали - и научились уважать, как бы это ни было трудно для окружающих.

Вернее, для одной-единственной окружающей, с остальными у Карины отношения складывались нормально, хотя зачастую и по принципу "*ни ты мне - ни я тебе*". И там не уважение было, - там просто не было отношений как таковых.

Хотелось действовать, защищая свою оскорблённую честь и поставленную под вопрос женскую сущность, - и раздумывать уже потом, на трезвую голову.

Нет, Карина давно уже девственницей не была, - но обесчещенной она себя отнюдь не считала. Хоть и произошло сие действие не в браке - и даже не в постоянных отношениях, не говоря уж о серьёзных.

Это случилось на вечеринке, организованной подругой подруги одной её хорошей знакомой, и она сначала сидела в кресле и потягивала мартини, потом к ней подошёл знакомый друг или приятель брата её лучшего друга, с которым она когда-то училась изобразительному искусству в Сорбонне... Теперь это уже не вспомнишь и не узнаешь, да и не за чем это.

Она сидела и смотрела, и слушала музыку, и пила.

И курила.

И улыбалась.

И постепенно все вокруг становились всё более и более красивыми, шутки становились всё смешнее, а спиртное - всё игристее, вкуснее и забористее, а маленькие канапе и тарталетки, подаваемые официантом, были верхом совершенства французской кухни.

Карине казалось, что она впервые за долгое время докопалась до истины, будто твёрдую скорлупу кокосового ореха разбила своими острыми накрашенными коготками, и теперь ей открывается белое молоко, сладкое и прохладное, и восхитительная, нежная, девственная мякоть. Теперь оставалось только осмотреться - и начать пробовать, сравнивая и поглощая подаваемые официантом, хозяевами застолья и самой жизнью наслаждения до тех пор, пока не перестанешь различать вкусы и не отвалишься от пресыщенности.

Потом к ней подошёл... то ли знакомый друг, то ли приятель, и они разговорились, и выпили ещё - за знакомство, за встречу, за синего кита, ради которого надо разве что не ходить пешком из Америки в Австралию. Потом договорились побывать вместе и в Австралии, и в Америке, только не пешком, а на каком-то экологичном транспорте, а потом решили перед путешествием познакомиться получше.

И - познакомились, и знакомились всю ночь, к превеликому наслаждению обоих.

Ни в какую Америку они не поехали, в Австралию - тоже, по крайней мере, вместе. Но зато в маленькой студенческой мансарде Карины появился частый гость, который стал также и её лучшей обнажённой мужской моделью для множества картин, которые она в то время с упоением писала. Для себя, чтобы быть честной, потому что и эти картины, которые хоть и

были едва ли на самыми лучшими во всём её творчестве, принадлежали её пусть и невечной, и недолгой, - но любви.

А потом...

А потом жизнь напомнила, что она вообще-то есть... И она продолжается.

И для начала, у каждого из любовников, уютно устроившихся под крышей со старой черепицей у подножья огромного вечно юного города и в объятиях друг друга под воркование голубей на карнизах, есть свои дела.

Они просто не могут оставаться вечно в одной постели, пьяными и обнажёнными и с бокалом игристого в руках.

Они уходили на лекции в Сорбонну, читали научные статьи и лекции к кафедре изобразительных искусств, рисовали фрески и делали чертежи соборов, новых нарядов и непроложенных путей сообщения, а потом мало-помалу стали следовать тому, о чём говорили другим. Другие верили им - и они сами верили себе.

И путь обратно каждый раз занимал всё больше и больше времени. А когда обратная дорога становится с каждым днём всё длиннее, можно и не возвращаться назад, пока не откроешь всё новое, что теперь стало гораздо ближе, чем старое. И ведь чем дольше расставание, тем жарче встреча и слаще поцелуи, не так ли?

А однажды, прогуливаясь в парке после трудного рабочего дня, Карина застала своего любовника на террасе кафе под parasолью, сидящего в обнимку с какой-то растрёпанной кудрявой девицей. Солнце играло в её рыжих волосах, как дельфины в бассейне, и мужчина запускал поочерёдно то одну, то другую руку в её волосы, чтобы убедиться, что его сокровище на месте и что оно никуда не делось.

А рыжая смеялась, весело и воркующе, и нежно смотрела, причём даже тогда, когда она опускала глаза. Кто бы мог подумать, что просто в опущенных веках может быть столько выражения, выразительности, красоты, смысла и нежности! Казалось, в тот момент все Каринины нарисованные полотна ехидно усмехнулись ей, оскаливаясь и показывая клыки, которых она не рисовала своим творениям никогда.

Но если и не рисовала - то это не значит, что их никогда и не было.

"Ну, и каково оно тебе теперь, художник? - спрашивали модели, прищипленные к полотнам кисточкой и отдалённо пахнущие краской, как кровью - Понравилось быть самой моделью, не так ли? Он не сделал ничего такого... он просто отомстил тебе. Отомстил за нас всех."

- А, Карина! - окликнул её бывший любовник - Привет! Как поживаешь? Не ожидал увидеть тебя в этом районе.

Про себя девушка отметила, что раньше её неверный возлюбленный, которого почему-то звали Герри, - и непонятно, что это было: имя, прозвище или фамилия? - раньше не был таким спокойным, невозмутимым, непрошибаемым и уверенным. Наверное, это близость той рыжей лахудры сделала его таким, а если любовь и даёт крылья, то доброты ко всему миру она уж точно не даёт.

Наоборот, любимый и любящий должен полностью отдавать себя своим избранникам - и при этом герметично закрываться от окружающего мира. Иначе - никакого таинства, никакого продолжения рода, а просто перевод добра, бессмысленный и бездарный.

Кара вспомнила, как раньше, пока они с Герри были вместе, он стремился помогать всем вокруг, - от соседей, которым нужно одолжить десятку без отдачи, до форумчан, которые не могут найти мелодию для мобильного телефона, - и от пожарных, ищущих кота, до пьяной девицы, которая решила докопаться до первого встречного. И ей почему-то стало неприятно.

Сейчас молодой человек был уже не с ней, это ясно, как божий день, и даже ещё яснее; но своим воспоминанием, нахлынувшим так некстати, она словно вернулась на мгновение в прошлое, - и исправила там тот факт, что она хотя бы некоторое время любила, была любима и была счастлива со своим парнем.

- Познакомьтесь, - продолжил Герри, словно заколачивая гвозди в крышку гроба, - это Карина, я был её моделью для рисования, а это - Диана, моя девушка. Ну... - он замялся, ощущая, что с протоколом знакомства что-то пошло не так, причём даже до самого знакомства, - Карина, это Диана, Диана, это Карина. А я, собственно, Герри, похоже на французское слово "излечи", ха-ха! А я и не врач, и не пациент... Кстати, Герри - это кличка. - добавил он.

- Да, милый, я знаю. - нежно, но абсолютно не наигранно прошептала рыжая выдра - Тебя на самом деле Титус зовут.

Молчание повисло, как висельник, рухнувший в бездну, и которого только верёвка, затянувшаяся на шее, уберегала от падения в пропасть. Карина, почувствовав, как сжалось горло и защемило в груди, попрощалась и ушла.

Добавить ей было уже нечего. В том числе и слова прощания.

Но это был ещё не конец.

Вернее, конец был похож на комету Галлилея, которая остаётся в небе несколько месяцев и, как бы быстро она ни летела, она не могла убраться из нашей галактики быстрее, чем у неё получалось.

Однажды утром Карина почувствовала, как в совмещённом санузле её маленькой студии запахло так, как пахло один раз в маленьком отеле, беззвёздном и беззвёздном, потому что она заселилась ночью, когда они приезжали туда с Гер... Титусом на каникулы. А пахло там лёгкими духами, дезодорантом, запёртым чистым помещением и старой, хорошо вымытой комнатой, в которой хранят вещи, пропитавшиеся запахом церковного ладана.

Тогда, в альзасском отеле посреди заснеженного леса, Карине всё понравилось. Она была не одна, а с любимым мужчиной, они были счастливы и им казалось, что они будут вместе ещё долго; или так казалось только ей одной?

Да и к тому же - уборщики, поддерживающие эту комнату, как и все остальные, для посетителей. А это - запах чистоты, ощущение добротности, качественные и чистые вещи, лежащие на видном месте - но при этом не мешающие. Запах кухни по утрам, ключи и незаметность, незаменимость, за которую никто и никогда не будет их благодарить - мы ведь приехали на каникулы вовсе не за тем, чтобы искать уборщиков, этих невидимок во плоти, живых призраков и добрых привидений!

Потом, когда этот же самый запах появился снова из ниоткуда, Карина пошла в аптеку на углу и купила тест.

А потом записалась на приём к гинекологу, чтобы избавиться от ненужных последствий закончившейся истории. У неё будут ещё мужчины, ещё каникулы и ещё дети, которые, в отличие от этого, ненужного и случайно прихваченного из альзасского отеля, как серебрянная ложка или полотенце с логотипом сети "Лесные убежища".

Потому что воспитанные дети никогда не мешают взрослым, и тем более, их родителям. В том числе и своей жизнью и ненужным рождением.

Всё прошло хорошо...

- Я не хочу оставлять этого ребёнка, потому что дети мешают работать и жить. - сказала она своему лечащему врачу.

А потом вспомнила Титуса, который был с ней, но в конечном итоге достался другой, в том числе и с именем, если не с потрохами, - и добавила:

- А ещё - дети мешают путешествовать. И ездить на каникулы.

О как! Видали, а? Видали, как я вас?

Может, и не видали.

Потому что потом нет-нет, - да и снился Карине малыш, черноволосый и кареглазый, и так нагло похожий на своего отца, представившегося ей не по имени, а по прозвищу, и на неё саму, что она сразу же просыпалась со смутным желанием отшлёпать наглеца, или поцеловать

в пушистую нежную макушку. А лучше - и отшлёпать безмянное последствие каникул, и поцеловать.

Но малыш каждый раз уходил куда-то по дороге, или брёл по песку, не обращая внимания на ни волны, ни на мягкий песок, ни на крики чаек. Мёртвые дети играть не умеют и не могут.

В своих снах Карина забывала ребёнка на пляже, отводила в церковь или оставляла в каком-то приюте, но он продолжал сниться ей с детской непосредственностью. А потом он приснился ей в последний раз: во сне был Титус, и безмянный мальчик взял его за руку.

- Пошли уже, пап! - капризно позвал он.

- Да, конечно, малыш, пойдём. - ответил он и взял ребёнка за ручку - Пошли, Марк.

И они ушли вместе, по нескончаемо-длинной парижской дороге.

- Папа, пап! - ещё долго слышался его восторженный голос - А мы пойдём на карусель? А чаек кормить? А есть сладкую вату? А сколько ещё у нас будут каникулы?

- Всё, что ты захочешь, малыш. - слышался нежный голос отца - Мы теперь всегда на каникулах. Прости, что папа не успел раньше. Но теперь папа всегда на каникулах и всегда с тобой.

Потом Карина проснулась - и налила себе портвейна, чтобы если потом и уснуть, то спать без сновидений и кошмаров. Но больше ей ничего не снилось. И бывший любовник и бывший ребёнок, ушедшие проводить каникулы без неё, не снились тоже. Потому что им было хорошо там, где они оказались.

... Вот только бы мать ни о чём не догадалась. Она ведь такая настырная и въедливая! Такая посмеет осудить свою дочь за то, что она сама распоряжается своим телом и своей жизнью, не даря себя за бесплатно никому - и уж тем более не отдавая за деньги. А потом, когда она уедет на каникулы с Павлом, у неё будет время надо всем подумать, и ключевое слово здесь будет - спокойно.

И над тем, что, собственно, произошло, - и как она поступала и по какой именно причине.

И как так вышло, что она, Карина, вернее, её душа или подсознание, забила тревогу и сказали ей защищаться от собственной матери, как от насильницы.

Что в ней, Карине, мог найти какой-то мужчина и почему он, выходит, снизошёл до неё - вопрос, как и сама мысль, уже сам по себе возмутительный. Тем более, что раньше это она, Карина, решала для себя, кого делать своим любовником, - а кого и нет. Пусть даже и временно, без обязательств.

Теперь же её мать отзеркаливала ей её же собственные мысли и установки, словно вставая не на сторону своей старшей дочери, а выбирая защищать и поддерживать всех этих мужиков. Обидно и противно, если что. И - несправедливо.

- Поживи, дочка, с моё, - ответила мать, в этом никотиновом состязании не выдерживая первой и нервно закуривая, будто подчёркивая этим всё ранее сказанное, - и ты тоже, может быть, будешь разбираться в мужчинах, как и я. Я знаю, что нужно этому Павлу от тебя, и что он поиграет с тобой и бросит, вы с ним всё равно долго не останетесь.

- А я и не хочу пока замуж, мам! Кстати, если не ошибаюсь, ты сама давно уже одна - и в монастырь не собираешься. И не думаю, чтобы ты берегла себя для своего единственного, который придёт после твоего развода с отцом и оценит по достоинству все твои годы одиночества и неполученного удовольствия. А твоё тело - это твоё дело, мам, равно как и моё - это только моё.

- Но, Карина... - мать закашлялась, явно подавившись дымом и неявно - чем-то ещё - Горячая женщина, которая не может удержаться от того, чтобы прыгать по койкам и которая не всегда будет говорить "нет" всем красавцам, которые подойдут к ней...

- Так, мама, будем считать, что ты сейчас просто ворчала сама с собой на тему "какие молодые все плохие, им хочется любви, а нам, старикам, любви не хочется, так что и хорошо, что её нет". А я ничего не слышала, потому что мне это неинтересно - наконец-то закуренная

долгожданная сигаретка не помешала Карининому голосу зазвенеть холодным металлом - Да и потом, я так и не поняла, почему ты так гордишься тем, что после развода осталась одна - и с кого ты потом собираешься требовать компенсацию за все неполученные удовольствия и неиспытанные оргазмы? Ради кого все эти жертвы, о которых и говорить-то вслух стыдно?

- Никогда бы не подумала, что моя дочь станет блудницей - припечатала мать, одновременно раздавливая окурочек в маленькой хрустальной пепельнице и ставя этим точку в разговоре.

- А что твоя дочь - живая блудница, которая не хочет жить в монастыре имени Святой Себя и хранить себе верность, ты тоже не думала? - спросила дочь, докуривая сигарету, чтобы не отставать от матери и в этом тоже.

- Я не отпускаю тебя с этим Павлом. - выдохнула мать.

Табачный дым, который она выдыхала, как огнедышащий дракон, уже закончился, поэтому она выдыхала просто воздух. В какой-то момент Каре показалось, что мать выдыхает дым от сгоревших желаний и надежд, и остро не хотела делать точно так же.

- Значит, я отпускаю сама себя. - ответила Карина - И, кстати, если ты захочешь выгнать меня из квартиры, - добавила она, по себе зная, что брошенная женщина - существо опасное, неприятное и непредсказуемое, - я не буду помогать тебе платить за неё, да и просто на улице не останусь. Хоть и к твоему любимому Павлу не пойду. Здесь, в Париже, если и некуда идти, то можно найти место, где приземлиться.

Заземлиться - тоже.

Для начала - собрать вещи, необходимые для каникул, и составить список всего того, что им с Павлом обязательно понадобится.

Крем для загара, солнечные очки, щипчики и пинцет, линзы для фотоаппарата, а также многое другое, - вот часть тех вещей, которые, вполне возможно, и не будут нужны, но о которых даже думать приятно, не говоря уже о том, чтобы просто с ними взаимодействовать. Ведь каникулы - они всегда начинаются с мелочей!

- Карочка, дорогая... - ни с того ни с сего начал Павел, когда они с Кариной уже сидели в ресторане и для разминки выпивали вторую бутылку белого бургундского - Здесь такое дело...

Была бы Карина хоть чуточку потрезвее, и будь вечер не таким приятным и мягким, как щёчка спелого персика, и не будь она в таком предвкушении каникул, когда кажется, что ты уже там, на берегу моря... Она бы обязательно напряглась. Сейчас же ей просто захотелось ещё солёных орешков. И - ещё выпить. Благо дело, вторую бутылку они только начали.

- И что у тебя там случилось? - спросила Карина, срочно решая сразу две насущные проблемы - Говори сразу, не тяни.

Не то, чтобы она была такой энергичной и решительной, - просто пьяные не особенно любят вдаваться в детали и ждать чего-то, когда у них память внезапно становится, как у золотой рыбки.

- Ну, знаешь, дорогая... - промямлил Павел и с зеркальной точностью повторяя то же самое, что Карина только что сделала до него. - Помнишь, я тебе говорил, что у меня есть бывшая, Агнесса? В общем...она поедет на каникулы с нами. Мы будем с ней втроём.

Павлу казалось, что сейчас Карина хотя бы воскликнет "Что--о-о?!" или отреагирует хоть как-нибудь... Но её реакция была гораздо более непредсказуемой и необъяснимой.

Глава 3. Разум трёх

Повисло молчание.

Казалось, весь мир замер, Земля зависла где-то на половине оборота вокруг собственной оси, а огромный Париж сузился и сжался до размеров маленького брелока с изображением какой-нибудь достопримечательности или до крохотной металлической фигурки Эйфелевой башни.

Фигурки, которую девушка перед этим крутила в пальцах, а потом поставила на стол, рядом со своим бокалом. Кстати, уже полупустым.

Отвлечь её, наполнив бокал, что ли? Казалось, от такого странного и неуместного предложения можно было и протрезветь... как минимум.

Впервые Павел задумался над тем, а не ревнивая ли Карина, - но не смог ответить на вопрос. Просто потому, что они были просто любовниками, - а потому и малознакомыми.

А ведь сувенирная Эйфелева башня может вполне быть использована как оружие...

Если обучаться искусствам самообороны, или нападения, - это кто как видит, - сломать в себе установку никогда не причинять другим вреда, научиться бить, справиться прежде всего с самим собой, не бояться чужой боли, тогда ведь можно и... О, Господи. Впрочем, женщина, сидящая напротив Павла, не собиралась хватать в руки серый металлический сувенир с крохотным, как жало змеи, но острым навершием, а потом наносить сувениром удары.

Лишать того, кто находился к ней ближе всех, красоты, здоровья, привлекательности, а также уверенности в себе, в жизни и в том, что жить - это в принципе может быть безопасно. По крайней мере, для него. Павел, как и все люди, боялся много чего, и в том числе и лишиться своей привлекательности. Бить, уродуя, калеча, нанося раны, причиняя боль - и переводя в разряд жертв, несчастных людей, искалеченных, в лёгкую добычу для психологов и психиатров из Белого Дома (сумасшедший дом на юге Парижа), где далеко не все пациенты буйные, и некоторые из которых - просто одинокие, никому не нужные и несчастные люди, которых было некому защитить и спрятать за своей спиной.

Сейчас и правда подул холодный ветер, задувающий по ту сторону жизни и нормальных, допустимых событий - или просто потянуло свежестью со стороны Сены? И глаза Кары блеснули, как острие ножа - или просто первые фонари отражаются в её очках? А что, если ему всё это просто показалось - и если она сейчас думает то же самое про его разговор об Агнессе? Что ничего не было, что всё ей просто показалось - и что он, Павел, сейчас сотворит что-то совсем уж неприемлемое? Потому что приглашать на каникулы, которые ты хочешь провести со своей теперешней любовницей, её предшественницу - это и правда что-то такое, что нечасто увидишь. Или Карина такое уже видела? Вон она какая спокойная сидит...

Интересно, как долго они смогут играть в эти прятки, вернее, в недослышки, раз для недомолвок он сказал слишком много - а Кара услышала слишком много, даже для начала второй бутылки белого? Вино-то, конечно, тоже спиртное, - но вот за водку, да ещё и без закуски, оно ни за что не сойдёт. Тем более, что и Павел, и Карина умеют пить. Они и норму свою определили не под забором и не над унитазом, хоть грязным и замызганным, хоть нет. У них и голова-то никогда не болела, - ни после застолья, ни после вина, ни просто друг за друга.- Агнесса, значит... - протянула Карина, мешая свой голос с выдыханием табачного дыма. Она выпила ещё пару глотков, которые, упав в пустой желудок, очень быстро были приняты несколькими креветочными чипсами и солёными орешками, на которые упали, как в мягкое кресло, и теперь чувствовали себя в приятной и хорошей надёжной компании. Было хорошо и приятно в желудке, звонко-легко в голове - и как-то любопытно в теле, наверное, там, где находятся то ли душа, то ли сердце.

Любящие - это вопрос не для сегодняшнего вечера, когда всё так хорошо, а вот спокойные - это да, как у спортсменки и просто уравновешенной женщины, спокойные.

С желудком и головой вроде бы разобрались, в ушах не шумит, - значит, можно обратить наконец внимание и на то, что сейчас пытается донести до неё её любовник.

О съеденном, выпитом и прочем Карина всегда могла позаботиться; позаботилась и сейчас. А значит - надо позаботиться об этом вечере. И о себе. И о любовнике, пока он не повис у неё камнем на шее вместе с неожиданной проблемой.

Да ещё и об этой Агнессе, пока всё не вырвалось у неё из рук, чёрт бы побрал все эти неожиданности и сюрпризы! Поехать на каникулы втроём... Это, конечно, неожиданно, - но

как-то очень уж любопытно. И, главное, свежо. Это так странно... что аж замечательно. Вот-вот. Не каждый может вот так, спокойно, ни с того ни с сего взять - и выложить между делом, что мы отправляемся на каникулы втроем, дорогая, и этот третий - не мой ребёнок. А может, третий - это и не она, а кто-то из нас, ну, что за вопросы, право слово...Боже упаси, я никогда не хотел ни семью, ни детей, и их у меня никогда и не было. Да, это моя бывшая любовница. А что? Ребёнка с собой на каникулы каждый может взять, у кого этот ребёнок в принципе есть; а вот взять на каникулы бывшую, когда ты вдобавок не один...Павел, ну, вот как ты это придумал - и, главное, для чего?

Но - надо знать Карину и особенности её характера. Вернее, - одну: цепкость.

Раньше Рина играла в баскетбол и волейбол, и она не пропустила ни одного мяча именно благодаря тому, что была цепкой, быстрой - и любопытной. А кто сказал, что спортсмены любопытными не бывают - или что любопытство им вредит? Не вредит, вовсе нет.

Спортсмены - они тоже люди, даже если и добились в своём виде спорта прямо-таки заоблачных высот. Вот и сейчас рефлексы спортсменки, королевы воздуха, не подвели. Карина с лёгкостью поймала мяч и теперь осматривала его своими руками, длинными и тонкими пальцами, сильными и зрячими. И совершенно не понимала состояния своего любовника. Он, что, слишком много выпил - или ему сейчас стало плохо? Так-то она - спортсменка, а не врач. И тем более, не в реанимации. - Поль, что с тобой? - спросила она удивлённо, прищуриваясь - Ты плохо себя чувствуешь? Или с Агнессой что-то произошло? Надеюсь, её не надо спасать от террористов или что-то в этом роде, а просто надо взять с нами на каникулы, третьим запасным вариантом или что-то в этом роде. Надеюсь, ты не собираешься утопить её в море во время какого-то ритуала для Посейдона, или что-то ещё? Кстати, я свои предположения уже высказала, теперь твоя очередь рассказать мне, что там происходит на самом деле. - А ты не будешь сердиться? - по-детски спросил её Павел, глядя с опаской.

Если бы Кара была в курсе его переживаний по поводу возможности нанесений множественных травм небольшим металлическим тупым предметом, то сейчас она бы предположила, будто Павел думает, что она просто задушит его голыми руками.

Или разорвёт. И плевать, что они сейчас в ресторане и на них люди смотрят. А спокойно разговаривает она и задаёт вопросы только для того, чтобы разозлиться посильнее и ещё качественней. А потом можно будет и любовника между делом прибить, в ожидании горячего блюда. Однако плохо бы Павел знал Карину, если бы и правда позволил себе подумать про неё такое. Карина - спортсменка, и вдруг подозрение в таком поведении... неспортивном?

- А почему я должна сердиться? - спросила Карина, отсалютовав опешившему любовнику, притворяющемуся мебелью, полным бокалом.

Вино она себе, кстати, любила подливать сама. Пару капель вина вырвались из-под купола натяжения жидкости и пролились по тыльной стороне запястья духами из флакона со сломанным сифоном.

Девушка плеснула туда воды из своего стакана, чтобы потом не липло, и на её рубашке от локтя до пупка и на брюках расплылось от бёдер и до колен огромное мокрое пятно. Хорошо хоть, оно похоже на то, что она просто что-то разлила на себя, а не... на что-то другое, не соответствующее ей, взрослой женщине, по возрасту.

- Я просто не понимаю, зачем нам нужна Агнесса, - продолжила Карина, отпивая сразу половину бокала, чтобы больше ничего не пролилось - Я, конечно, знаю, что ты против серьёзных отношений с кем бы то ни было... - проклятое вино заставляло её резать правду-матку с хирургической точностью и такой же безэмоциональностью, озвучивая то, что должно оставаться внутри и на уровне внутренних установок - Но по поводу свободной любви у нас договора не было. Значит, здесь не свободная любовь, а что-то другое. Тогда - что?

- Агнесса сейчас переживает трудный период. - ответил Павел, торопливо наливая себе в бокал и осушая его залпом, чтобы быть со своей любовницей на одной волне.

Почему-то ему показалось, что что-то зашло в тупик.

С одной стороны, он знал, что Карина - умная девушка, и не только потому, что она никогда не навязывалась ему, не пыталась играть в охотника и добычу и никогда "совершенно случайно" не встречалась ему на улице, когда не было договорённости о встрече.

А всё-таки... она вообще такая мудрая - или у неё мудрое отношение к выпитому спиртному?

- Она рассталась со своим парнем, вся её семья далеко отсюда и она не может вернуться к ним... - тут он запнулся, - по личным причинам, она снимала квартиру, но хозяйка захотела выставить квартиру на продажу, и у неё нет ни связей, ни денег, чтобы где-то устроиться. Сначала я думал, что время ещё есть и что я успею помочь ей, и что когда мы с тобой вернёмся с наших каникул, я как-нибудь помогу ей. Ну... и я не стал бы тебе ничего говорить, потому что это была моя история, да и к тому же давным-давно закончившаяся. Но всё произошло быстрее, чем я предполагал, и Агнесса практически оказалась на улице.

Павел ожидал чего угодно, - хотя бы проявления здорового эгоизма и нежелания проводить каникулы с кем-то чужим, нежелание не то, что помогать, да и вообще видеть чужого человека, но Карина согласилась. Совершенно логично для неё самой - и так же неожиданно для Павла.

"Мы ведь с ним не семья и не муж и жена, - думала она, готовя вторую комнату для бывшей любовницы своего парня, - и мне совершенно не хочется унижать себя ревностью. Не хватало ещё ждать его перед дверью, с неснятыми бигудями на голове и со скалкой в руках. Ах, да, тогда мне ещё и халат понадобится, а я халаты вообще не люблю. И никогда не ношу. И бигуди мне не нужны. Так что... Придётся быть адекватной и принимать девку, как свою подругу, а потом брать её на каникулы вместе с нами."

Мысль о том, что её, Карины, финансовый вклад вовсе не такой уж и маленький, а очень даже существенный, придавал ей уверенности в себе куда больше, чем придало бы любое заверение в верности и признании в любви от коленапреклонённого благородного рыцаря, хоть в немых доспехах, хоть в сияющих, хоть без них. Лучшая защита девушки - это она сама и то, чего она достигла самостоятельно, думала Карина. У неё было своё жильё, квартира, работа и независимость. Финансовая, материальная, эмоциональная, психологическая. Поэтому ей никакая Агнесса страшна не была. И обрадовало бы даже больше, чем спасение каким-нибудь рыцарем, тем же или другим, от дракона, заточившего её в башню и посадившего там на сундук с золотом. Оно всё было бы очень хорошо, но если женщина может позаботиться о себе сама, - то это способность, которой нельзя пренебрегать.

В дверь постучали, - робко и коротко, словно заранее извиняясь и за вторжение, и вообще за всё.

- Я иду. - ответила Карина и спокойно пошла к двери, открывать.

Как ни крути, - а уверенная в себе и сильная, спокойная женщина - это то, чем так приятно ощущать себя! По крайней мере, хотя бы время от времени.

Глава 4. Суп и сюз

Дверь открылась.

На пороге стояла... кукла.

"Хорошо хоть, не Сара Ли". - хмыкнула Карина, отодвигаясь в сторону и давая гостье пройти.

Про себя она отметила, что у неё, скорее всего, получилась ухмылка гопника, которая пропускает жертву вперёд себя в тёмном переулке. Да и где тут Сара, легендарная кукла-убийца то ли с ножичком, который лежал у неё в маленьком клатче или ридикюле, то ли и без сумки, и без ножа, - да и вообще, была ли когда-то та кукла, или её просто придумали люди?

Девушка или молодая женщина, стоявшая на пороге, была похожа на ту английскую вооружённую холодным оружием куклеху, как овчарка на мопса. Хотя... овчарка и мопс так-то похожи, - потому что они собаки.

- Агнесса. - представилась живая кукла, стоявшая на пороге.

"О как. - восхитилась про себя Карина - Так она, выходит, не бомж? В смысле, не на улице ночует?"

Почему она думала про Агнессу именно так, она и сама не смогла бы объяснить.

Просто после того, что рассказал ей Павел, она представила себе именно это. Трудные жизненные обстоятельства - следовательно, она не сможет ни помыться, ни волосы помыть, а у этой волосы блестят при свете лампы, как лесные светлячки. И, уложенные хоть и дома, а не в парикмахерской, - но всё-равно, спокойные и здоровые. А что? Волосы тоже могут нервничать, это модницы могут подтвердить.

Если ты сейчас осталась одна - значит, страдаешь, а это значит, что лицо будет опухшим от слёз, переживаний... Да хотя бы и от выпитого! Странно. Она, что, язвенница, а поэтому никогда не пьёт?

Хозяйка выгнала её на улицу, в дождь, - которого, кстати, нет, но так звучит лучше, вернее, хуже - значит, она должна быть вся в грязи. И сейчас первым делом Агнесса должна идти в душ, разве что не отряхивая свои маленькие ножки, как кошечка, которая прогулялась по мокрой земле и теперь спешит домой, к любящему хозяину и тёплой лежанке, к полной миске. Да, а ещё она должна аккуратно и брезгливо раздеваться прямо при входе! Потому что...

А почему, собственно? А, да потому, что Карина сама себе целый сценарий выдумала, а теперь не понимает, как так вышло, что Агнесса совершенно не похожа на то, что, на её взгляд, должно было быть на самом деле. Может, потому, что куколка Агнесса сценарий как раз-таки и не читала, да и вообще про него не знает? Ну, да, куклы так-то читать не умеют, где уж им там чужие мысли читать!

Париж, Франция, двадцать первый век на дворе... И как раньше, люди всё так же попадают в передраги и в переделки, только происходит оно уже не по-средневековому, не так некрасиво. Уже потому, что цивилизация.

Остался на улице - иди в хостел, или находи себе ночлежку для бездомных, но стоять на обочине размытой грунтовой дороги и рисковать быть раздавленным проезжающим экипажем уже не получится. И нечистоты вдоль дорог уже не текут - потому что с тех пор человечество придумало нормальные туалеты. И канализацию.

Сейчас даже неприятности более цивилизованные и культурные, чем век или два назад. Правда, более приятными они от этого не становятся. И потом не станут.

- Привет. Я - Карина. - улыбнулась девушка, закрывая дверь за гостьей, по привычке - на три замка.

- То ли ты боишься, что к нам воры заберутся, то ли что я сбегу. - шутил раньше Павел, видя, как его любовница тщательно закрывает перед сном дверь, а потом возвращается и проверяет, хорошо ли всё закрыто и не забыла ли она свой привычный вечерний ритуал.

- Бабушка один раз забыла закрыть двери в нашем доме на даче, и когда мы вернулись, то выяснилось, что в наше отсутствие забрались воры. - объяснила тогда Кара, но Павлу почему-то стало смешно.

Более того; он словно решил, что раз оно произошло один раз, да ещё и с бабушкой Карины, и не во Франции и не в доме, а на даче, - значит, это что-то такое, чего в принципе никогда и ни с кем произойти не могло. Да и потом тоже ни за что не произойдёт, потому что оно ведь как случилось-то? И в России, и на даче, и с Карининой бабушкой, с чьей же её бабушкой такое могло случиться? Хорошо хоть, не говорил, что это вообще семейка такая, и на том спасибо.

Для него эта совокупность факторов объясняла всё.

Для Карины - нет, но конфликтовать она не хотела. Пока что.
Да и потом... кто они с Павлом друг другу? Знакомые? Нет.
Друзья? Тоже нет.

Потому что, что за друзья по постели? Любовники?

Неожиданно для неё самой, Карине слово "любовники" не нравилось. Для неё это означало скорее уж функцию, а не определение человеческих отношений.

Может, если бы она создала семью... Но было ещё не время, для этого было слишком рано. И, словно подсознательно, Кара словно писала жизнь начерно, чтобы подготовиться на будущее и знать, какие ошибки совершать в другой, серьёзной, семейной и супружеской жизни будет категорически запрещено. И даже не кем-то другим, а в первую очередь ей самой.

А пока что будущая семейная жизнь представлялась ей почему-то в розовых кустах, в прямом смысле этого слова. Из розовых кустов выглядывала маленькая деревянная скамейка, стоящая перед круглым столом, словно в этом раю ничто не должно было иметь острых углов, в том числе и мебель.

Под окнами купидоном приютился розовый куст, оживлённо шепчущийся с высоким гераневым деревом, а входная дверь... Да бросьте, не надо так официально, здесь же все свои! Просто деревянная старая дверца, за которой находится родной и тёплый семейный очаг и где вас любят и всегда ждут, где бы вы ни были и что бы ни произошло.

Аза морем роз, за объятиями каменной голубоватой кладки, бережно придерживающей садик, по другую сторону дороги находится море. Любое. Потому что главное - не место, а то, как ты там живёшь. И где, и с кем. И кто останется рядом с тобой, когда спустится ночь.

Карина лучше видела своих будущих детей, - почему-то семерых, причём четверо из них были близняшками, - а вот муж представлялся просто с усами и лысым, и в очках. Никаких других подробностей у него не было, в том числе и лица.

Павел не носил очков и видел одинаково хорошо что прямо у себя под носом, что за пару-тройку километров. И, будучи обладателем роскошной шевелюры, не носил ни усов, ни бороды.

Глядя, как Агнесса садится и достаёт свой старый ридикюль в кремовых розочках, связанных крючком, Кара поняла, что эта девушка ей чем-то определённо нравится. У неё не было роскоши француженок, хоть истинных, хоть не совсем, но зато было что-то другое, - что-то родное и близкое, чего ей, Кари, на самом деле очень не хватало. Просто раньше она об этом никогда не думала, а теперь вот раз! - и поняла, что странно было жить без всего этого.

В ридикюле лежала старая костяная расчёска, и на боку покоился пузырь с зелёными духами. Или туалетной водой. А в кошельке, который Агнесса открыла, чтобы проверить наличку и карточки, была семейная фотография, уже старая и под пластиком с загнувшимися краями. И не было в этом всё никакой нарочитости, потому что нарочитость не прожила бы так долго.

Столько времени, сколько нужно пластику, чтобы он покоробился от времени и редких прикосновений, потому что зачем без конца вытаскивать из кармашка фотографию, которую и так хорошо видно, - столько нарочитость не живёт. Притворство - тоже.

И это была не культура и не привычка. Это была душа.

Кара внимательно посмотрела на Агнессу, которая, не замечая, что на неё смотрят, увлечённо перебирала свои сокровища и в тот момент больше всего была похожа на заигравшегося ребёнка.

"Хм... А она ведь ничего, эта Агнесса. Ладно, пусть живёт."

Не могла не заметить Карина не только спортивным, но и просто намётанным взглядом маленький узелок из потемневшей от времени ткани, держащийся на простой булавке.

- Извини, что отвлекаю, Агнесса. - девушка думала, что она в комнате была одна, поэтому вздрогнула.

Сама же Карина в это время благоразумно отошла к выходу, длинным кошачьим шагом, так что для Агнессы она просто пришла из кухни. Места-то в маленькой студии Павла было не так много. Выходил из туалета - и оказался в комнате, шёл из комнаты к входной двери - а оказался на кухне. Обычная проблема всех парижских студий, это неизбежно. Так что удивляться, если Карина и правда шла куда-то по своим делам, а потом случайно оказалась рядом с Агнессой, особенно в тот момент, когда та переодевалась и устраивала себе уютное место в алькове!

- Да ничего страшного, проходи. - улыбнулась девушка.

- Здесь не проходить впору, а просто подходить, и всё, ты уже на месте. - улыбка у Агнессы была заразительная. - Я сейчас отнесла все покупки на кухню, Павел нам бутылку вина подарил... А ты пьёшь или нет?

Оставив Агни разбираться с бутылкой и бокалами, Карина ушла на кухню, - помогать любовнику доставать замороженные мидии для супа и раскладывать на плоском блюде открытые мучнистые устрицы. Конец зимы и лето - самое лучшее время, чтобы есть такие устрицы, многими, в том числе и продавцами и рыбаками, считающимися не то, чтобы плохими, но не такими хорошими.

В этих хлопотах, простых, ненавязчивых и спокойных, кажущимися медленными, как порхание бабочки над маковым цветком в июле, Карина видела непреложную нежность, обязательную и естественную. Она не так часто говорила о любви, чаще просто показывала её. Мыслью, жестом, движением, взглядом. Положила на противень и сдобрила приправами огромный кусок бараньей вырезки, обернув в пищевую фольгу - остальное Павел будет готовить сам. А она пока с подружкой побеседует.

- Агни, а ты ведь любишь каникулы? - спросила Карина, видя, что подружка уже налила им по три четверти бокала красного вина и сейчас зачарованно рассматривала, как на свету оно превращается в кровь и в нём начинают играть коралловые рубины.

Похоже, она уже достаточно расслабилась для того, чтобы и поговорить, и не видеть прошлую проблему в качестве проблемы настоящей. Потому что когда нам хорошо, двери за прошлым закрываются быстрее.

- Да, я люблю... любила каникулы. С матерью, отцом, сёстрами и братом. - ответила она - Но они далеко отсюда. И потом я долго искала возможность устроиться в Париже, ухватиться за что-либо, и нашла работу цветочницы. А потом я нашла Павла. Я часто переезжала с места на место, никто не хотел сдавать угол простой цветочнице из ларька, а Павел... он просто был рядом, и мы с ним часто ездили на каникулы. Вернее, он меня приглашал.

"Надо же." - подумала Рина, выпивая бокал фруктово-орехового красного вина залпом, как будто это была простая минералка без газа.

Букет выдержанного вина, круглый и бархатистый, не выдержал такого обращения, моментально превратившись в горле в букет алых роз с шипами.

"А Павел-то может с кем-то нянчиться, и не задумываться над тем, кто и сколько вкладывает. Может, я просто не замечала всех особенностей его характера, потому что мы с ним оба небедные, не живём вместе и уж точно не являемся парой. Так что мы всю жизнь можем прожить душа в душу - и умереть, будучи друг для друга совершенными незнакомцами. Интересно, а я хочу узнать про него всё-всё - и показать себя всю взамен? Ему - или кому-то другому?"

Агни посмотрела на подругу и незамедлительно повторила её подвиг. Кара покачала головой и передала ей бутерброд с гусиным паштетом.

- На, поешь что-нибудь, а то опьянеешь. - сказала она. - Пьяной быть неприятно, это только пьянеть - самое то.

- На каникулах мы жили с Павлом, как муж и жена. И каждый день вместе ходили любоваться закатом. И в это время мне принадлежало всё-всё, что было вокруг нас. Это море, Солнце, ветер, воздух - всё было моё, всё было наше. И Павел... он подарил мне это всё. Потому

что у меня не было денег и он за всё платил сам. - совершенно нелогично на первый взгляд закончила она - и снова выпила.

Было видно, что рядом с Карой Агни не боится ничего. Ни воспоминаний, ни оказаться на улице, ни причины разрыва с Павлом и их грядущих совместных каникул, ни опьянеть. Странно, обычно так ничего не страшно рядом с мужчинами. А рядом с кем самим мужчинам не страшно?

- Давай выпьем ещё. - предложила Рина - Скоро ужин будет готов. Я чувствую, что вкусно пахнет. Павел свой фирменный суп сварил. В горшочке.

С кухни уже пахло мясом, специями, мидиями в белом вине и грибами. Павел обожал варить суп, по крайней мере, он называл это блюдо именно так. На самом деле это была скорее уж паэлья, или рагу в горшочке.

- Кари, а о чём ты сейчас подумала? - внезапно спросила Агни.

О, Боже, неужели нужно будет всё время её подпаивать, чтобы она раскрепостилась и начала доверять тем, кто не причинит ей зла? Или ей и правда вредили так часто, что теперь она просто разучилась доверять и остаётся сдержанной и настороженной?

- Сюз, сюз, сюз. - ответила Рина - А что, у меня лицо было такое зверское? Говорят, у меня всегда такое лицо, когда я о чём-то думаю. На французском это означает что-то вроде ерунды, глупешника, когда что-то идёт не так. Например, ты искала рекламу бриллиантовой диадемы - а тебе предложили три листа рекламы швабры, или каталог зубочисток. Или когда ты хочешь почитать на любимом сайте страшные истории, выясняется, что в последнее время народ пишет и читает только страшилки, которые на обычные страшные истории, на твой взгляд, ну никак не похожи.

- А что было сюз-то? - даже в полумраке и сквозь вина, - внутри и на свет, - было видно, что Агни насторожилась. Я что-то сделала не так?

- Да нет, - отмахнулась Кари, - просто мы уезжаем на каникулы завтра, а я ничего для тебя не купила, вот что. Значит, пойдём покупать завтра, уже на каникулах. Говорят, там деревня - отпад.

За столом было хмельно, весело и притягивающе. Казалось, что три человека, сидящих за столом, выпили не вино, а какой-то жидкий магнит, так сильно их тянуло друг к другу.

- Я убрал остатки морепродуктов в морозильник, а взамен достал нам мороженое. - говорил Павел - Положил туда баранью кость, и поэтому на десерт у нас будет норвежский омлет. И убрал оставшиеся авокадо в холодильник, так что теперь, девочки, у нас будет ещё одна бутылка лучшего альзасского вина, которое пахнет, как духи, если вы понимаете, о чём я говорю.

- Ну да, - ответила Агни, как самая захмелевшая, - а ещё, будет твой фирменный суп, который ты так любишь готовить. Я помню, как для тебя всегда была важна эта традиция.

И никто ничего не сказал.

Ни Павлу - про то, что его суп - это и не суп вовсе, ни Агни - про то, что пора бы и забыть про традиции, заведённые в чужом доме, равно как и про то, что и как готовил её бывший.

Потому что...

потому что так было бы неправильно, только и всего.

И - просто сюз, самый настоящий сюз вместо супа. Довольно вкусного, кстати.

Глава 5. Сегодня наступит завтра, а завтра - каникулы

Вечер прошёл хорошо, начало ночи - ещё лучше.

Под конец все уже чувствовали себя членами одной большой семьи или клана, словно возвращаясь к истокам, - своим или чужим. И все чувствовали доброжелательный взгляд вечности. Или это просто дул прохладный ветер из приоткрытого окна?

И они сидели и пили, и пели песню "По Миссисипи плывёт пирога..." - и пили, не пьянея. А парижская улица внимательно слушала их сквозь сон и лукаво посматривала из-под опущенных веток цветущих лип, словно спящий из-под опущенных ресниц.

Агнесса, как и следовало ожидать, устроилась спать в алькове, рядом с кухней. Просто пожелала всем спокойной ночи - повернулась на другой бок, свернулась калачиком и уснула. Старательно - и аккуратно. - Паш, а сколько ей лет? - спросила Карина.

Агни и так-то не казалась зрелой женщиной, а когда она спала, казалась совсем юной, хрупкой и отчего-то маленького роста. Словно во сне у неё все настройки обнулялись и возвращались к тому, какими они были давным-давно.

Агни - спящая принцесса, которую вряд ли стоит будить. А что, если она и правда такая... такая одинокая, трогательная и незащищённая? Тогда ей точно место в Париже. Но не на окраинах, а там, где ощущается могущественное и сильное дыхание этого вечного и нестареющего города.

Может, где-нибудь, на улице Рандеву в двадцатом округе, где маленькие улочки со старыми каменными домами, где на крохотных балконах живут огромные деревья в кособоких терракотовых горшках, и где улыбаются в окно хозяева, жившие больше столетия назад. И там, если прислушаться, всегда можно услышать, как играет старая патефонная пластинка про старые истории, до сих пор не потерявшие своего очарования.

- Знаешь, когда ты назвала меня "Паш", - задумчиво произнёс Павел, - мне показалось, что мы на столе какую-то выпечку забыли. Например, круассан с абрикосом. А Агнесе двадцать шесть лет.

Карина подошла к Павлу, обняла, прижалась, почувствовала запах туалетной воды с пряным маслом.

- А почему вы расстались, Паш?

- А, из-за ерунды. Она решила, что скоро я сделаю ей предложение, и что всё у нас идёт именно к этому.

- А ты не хотел, так ведь?

- Я никогда и ни на ком не женюсь. - ответил мужчина - И я очень рад, что ты - не такая. Так ведь и есть?

"Поживём - увидим. А всё ли я правильно делаю? Но сейчас уже поздно. Хотя бы для того, чтобы изображать оскорблённую невинность и поруганную добродетель. Кем мы покажемся, так с нами и будут себя вести." - хотела ответить Кари, но промолчала.

Это было бы совсем не в духе прошедшего вечера, не в ту тему, которая объединяла их в одно целое, пусть даже и временно.

Вместо этого она подошла к спящей Агни и поправила ей одеяло. Неизвестно, с кем она вообще раньше жила, и поправлял её кто-нибудь одеяло или нет.

- Иди ко мне... - прошептал Павел Карине, облизывая ей ухо и скользя языком внутрь.

Казалось, что в ухе тут же захлюпало. Кари терпеть не могла, когда он так делал, - никто другой никогда так не делал, находя это противным, как и она сама, - но Павлу было как-то плевать на такие мелочи.

Отчего-то захотелось пойти и умыться, а потом помыть ухо и просушить ватной палочкой, но это было как-то несвоевременно. Но не расставаться же с ним только из-за этого, - из-за невинной ласки, которую ненавидела она и которую так любил он? Павел медленно, как в танце, увлёк любовницу в комнату и осторожно, как букет, опустил её на постель. Потом они занимались любовью, - то ли задумчиво и вяло, то ли нежно. Целуя накачанную мускулистую грудь любовника, Рина почему-то думала о том, что могут ли такие красивые и спортивные качки казаться или быть надёжными, - и как он занимался любовью с Агни.

Почему-то девушка считала себя ответственной за всё, что знала про свою новую подругу, в том числе и то, как она занималась любовью с теперешним любовником новой

подруги. И это при том, что они только вчера вечером познакомились! Хотя... так-то какая разница? Всё равно это уже ничего не изменит и не даст. Наверное, это всё выпитое вино было виновато.

К разрядке они подошли оба, - медленно и одновременно, как и шли, а потом уснули, каждый на своей стороне кровати и найдя удобное и прохладное местечко. Через несколько минут они спали, - глубоко и спокойно, все трое. За окном слышался вздох робкой капли, пробующей тона по плиткам бассейна, - сначала шёл редкий летний снег, потом пошёл дождь. Потом стало тепло. В Париже погода, как в Исландии, - если вам не нравится климат, подождите примерно полчаса. Во Франции - тоже. Потому что если Париж - это мать и отец, бывшая Лютеция, рассказывающая сказки своим детям перед сном, то Франция - её ребёнок. Торжественная тишина маленькой студии, погружённой в безмятежный глубокий сон.

Пока все спят, перед рассветом в Париже идёт снег.

Звук падающих капель в бассейны, капли растаявшего снега поют предрассветную колыбельную. Они не считают проходящие минуты, и время остановилось. Они убаюкивают, и в маленькой студии время остановилось, как и на всей маленькой старой тихой улочке.

Большой бассейн тоже погружён в тишину. Спите, капли, не шумите, не будите нас! Ещё слишком рано. Сороки в своих гнёздах, прилепленных под крышей автопарка Порт де Клиньянкур, тихо воркуют во сне. Спите, сороки, ещё слишком рано! Слушайте колыбельную расвета.

Как это бывает у очень беспечных, беззаботных и молодых, трое спящих проснулись как-то неожиданно, словно они сами этого не ожидали. - Кажется, мы вчера поздно легли. - прошептал Павел сквозь зевок, выбираясь из санузла и благоухая лосьоном для бритья и его любимой туалетной водой с неопределяемым, но восхитительным запахом.

- Мы не вчера легли, а сегодня. - ответила Карина, уже одетая и собравшаяся за минуту, как солдат. Она всегда собиралась очень быстро и почти никогда не красилась. Быструю подготовку у неё выработали постоянные тренировки и разъезды, а в такой кочевой жизни можно научиться многому. В том числе и спать где угодно, засыпать в любом положении за секунду, а потом просыпаться отдохнувшей. Даже если и поспать удалось всего пару минут.

Положив ладони под щеку и лёжа на боку, Агнесса всё ещё спала. Казалось, что за всю ночь она даже не пошевелилась, - или так оно и было на самом деле?

- Чёрт, надо же ещё собрать всю провизию, которая в холодильнике, а то я хотел выключить холодильник. - Павел метнулся к кухонному отделу, сдерживая зевок и протирая глаза.

- Не беспокойся, я вчера всё уже собрала. - ответила Кари и не без хвастовства подняла на вытянутых руках два огромных термостатичных баула - Вот, заберём с собой.

Присвистнув, Павел открыл холодильник и увидел то, чего никак не ожидал увидеть. Там, внутри, его ждала пустота и чистота, из-за чего казалось, будто холодильник светится, как огромная голубоватая раковина, найденная на берегу моря.

- Так, иди буди Агни, а я пока вызову такси. - тихо скомандовала Рина, словно расставляла игроков по корту и говорила, кто кого прикрывает. - Пусть приедет через полтора часа. Ненавижу, когда все спешат и торопятся.

- А мы... ты уже отправила второй чек хозяевам нашего дома? - спросил Павел - А.. - до него только сейчас дошло - Как ты её назвала?

- Кого?

- Ну... вот эту. В смысле, вот её.

- Агни. А что? Её ведь зовут Агнесса. Поэтому я назвала её Агни.

Послышалось пикивание кнопок мобильного телефона, - Рина ушла в коридор вызывать такси.

- Нет, дорогой, я второй чек не отправила. - ответила она, пока диспетчер поставил звонок на ожидание.

- А почему? - искренне удивился любовник.

- Потому что из нас двоих ты - мужчина, дорогой, а не я. И я просто дала тебе возможность побыть им.

И хотя Карина не испытывала никаких материальных и финансовых проблем, она испытала тайное и жгучее удовлетворение.

И от сказанного, и от произошедшего. Будто по мячу ударила, отправив его в сетку по другую сторону. Хотя на самом деле она просто забыла, что надо было отправлять второй чек. Забыла - вот и всё. Отправила один - но совершенно забыла про другой, вылетело из головы. А так...

Умеешь приводить к себе в дом своих бывших любовниц, умеешь и любишь жить беззаботно и одним днём, потому что о тебе и о твоём завтрашнем дне уже позаботились и заботятся другие - сделай хоть что-нибудь, как мужик. Не всё только уши лизать, потому что ты, видите ли, так любишь, и "это все женщины любят, не знал, что ты особенная".

- Ну, тогда ты можешь мне его сделать сейчас, а когда приедем, я отдам его хозяевам дома. - не растерялся Павел, отыгрывая роль мужчины и человека находчивого прямо на глазах.

А что, настоящий мужчина не должен находить лёгкие и логичные способы решения проблем?

- Сейчас, найди мою чековую книжку, я заполню. - Кара передала свою сумку - Только достань сам. Алло! - обратилась она уже к диспетчеру, наконец снявшему трубку. - Пожалуйста, одно грузовое такси на улицу Адмирала Амиро. Через полтора часа. Ага... ясно. Три человека, много багажа. На вокзал Сен-Лазара.

Агни, которую Павел осторожно потряс за плечо, медленно проснулась и потянулся, как ребёнок. Повернувшись на спину, она по-детски поджала колени к животу и потёрла глаза кулаками.

Девушка не сразу поняла, где она проснулась, но увидев бывшего любовника, улыбнулась, наконец сфокусировав взгляд.

- С добрым утром, любимый! - улыбнулась она - Как же я рада снова тебя видеть! Ой... - она оглянулась и поняла, что проснулась не только не в его постели, но даже не в спальне. - А почему мы с тобой спали не вместе? Я, что, опять ворочалась во сне и мешала тебе спать?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.